

УДК 904

О.Б. Беликова

*Томский государственный университет, Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: bob@ic.tsu.ru*

КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КУРГАНОВ XIII в. ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Введение

Северная территория кыргызского государства X – XIII вв. сегодня четко маркируется курганными могильниками среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов. Этalonными памятниками для реконструкции исторических и этнокультурных процессов, связанных с пребыванием на юге Западной Сибири (бассейн среднего течения р. Чулым, правого притока р. Оби) периферийной группы кыргызов, до недавнего времени являлись Змеинкинский и Калмакский могильники. Источники и результаты их интерпретации опубликованы [Беликова, 1996]. Позднее к корпусу опорных памятников добавился Иловско-Чердатский курганный могильник (раскопки автора 1993 г.). Наряду с основными этнокультурными компонентами в материалах среднечулымского варианта культуры явно вырисовываются второстепенные. Последние отражены группой из шести каменных изделий из двух курганов XIII в. Змеинкинского и Калмакского могильников [Там же, с. 31 – 33, 39 – 40, рис. 44 – 46, 61 – 63]. Подробный анализ, интерпретация этих предметов предоставляют дополнительные возможности для этноисторических и социальных реконструкций, выявления контактов средневекового населения Чулымса с окружающим миром.

Характеристика каменных изделий

В кург. З Калмакского могильника расчищено два непотревоженных погребения в материковых ямах:

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-00447а.

№ 1 – ребенка 2 – 4 лет, трупоположение; № 2 – взрослого человека, полное трупосожжение на стороне (все антропологические определения выполнил В.А. Дремов). В этом кургане *in situ* обнаружено пять каменных деталей от одного поясного набора* (рис. 1). Из них две петли-пронизки и одна круглая накладка находились в погр. 2, а две аналогичные накладки – рядом с ним, на корне древнего пня, который выступал над уровнем древней дневной поверхности. Детали были изготовлены из непросвечивающей диопсидовой породы молочно-белого цвета, каждая сделана из цельного камня.

Ширина пояса составляла, вероятно, 1,5 см. Петли-пронизки (2 экз.; рис. 1, 4, 5) размерами 3,5 – 3,6 × × 2,2 см имеют по два сквозных отверстия подпрямоугольной формы. Они нанизывались на ремень вниз петлями, к которым могли привязывать ремешки шириной 1,0 – 1,2 см. Круглые накладки (3 экз.; рис. 1, 1 – 3) диаметрами по 1,4 см на оборотной стороне имеют по четыре округлых отверстия диаметрами 1 мм от двух потайных изогнутых (!) каналов. Накладки крепились к поясу тонкой металлической проволокой из золота или серебра либо их сплава, остатки которой сохранились в одном из каналов. Все детали комплекта отшлифованы и отполированы, но стороны, невидимые на поясе, обработаны менее тщательно.

* Минералогическое исследование украшений выполнил канд. геол.-минерал. наук С.И. Коноваленко (Томский государственный университет) (см.: Коноваленко С.И. Результаты рентгеноструктурного анализа материала каменных предметов Змеинкинского и Калмакского могильников. – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, 1999, д. 1016-22). Автор ему искренне благодарен.

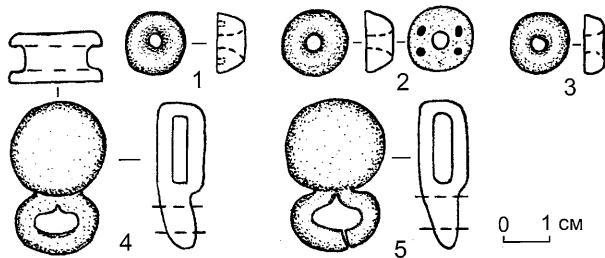

Рис. 1. Детали пояса из диопсидовой породы молочно-белого цвета. Калмакский курганный могильник (Среднее Причулымье, Западная Сибирь), кург. 3.

1 – 2 – древняя дневная поверхность; 3 – 5 – погр. 2
(1, 3 – 5 – лицевая сторона, 2 – лицевая и оборотная).

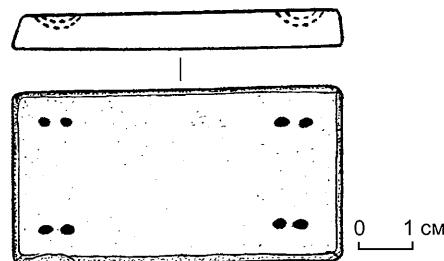

Рис. 2. Нефритовая пластина (оборотная сторона) серовато-белого цвета. Змеинкинский курганный могильник (Среднее Причулымье, Западная Сибирь), кург. 58, погребение.

В кург. 58 Змеинкинского могильника на обожженной площадке древней дневной поверхности выявлено погребение, погребенное в центральной части. В пределах обугленной деревянной рамы-обкладки, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад, располагались остатки полного трупосожжения человека с вещами на месте захоронения. Каменная пластина (рис. 2) была найдена рядом с костями черепа в восточном конце скопления кальцинированных костей. Кремированные кости и найденные среди них четыре необожженных позвонка принадлежали человеку в возрасте 18 – 20 лет, скорее, женского пола.

Пластина выполнена из нефрита серовато-белого цвета, местами просвечивающего. Она подпрямоугольной формы, трапециевидная в сечении (по длине и ширине), размером $6,1 - 6,3 \times 3,0 - 3,1$ см, толщиной 0,6 см. Высокое качество обработки пластины выражается в четком выделении граней, тщательной шлифовке и полировке, придавших ее поверхностям маслянистый блеск. На оборотной стороне вещи имеются восемь овальных отверстий диаметрами 1,5 – 2,0 мм от четырех изогнутых каналов, которые не выходят на лицевую сторону. Данная техническая деталь объединяет каменные изделия курганов 3 и 58. Сложный, оригинальный способ сверления отверстий диктовался желанием камнереза скрыть следы крепления пластины к плоской поверхности. Это подтверж-

ждается и тем, что лицевая сторона обработана тщательнее, нежели оборотная.

Обсуждение

Автором уже высказана точка зрения, что нефритовая пластина из кург. 58 – это накладка на пояс [Беликова, 1996, с. 92]. Во всяком случае, она определенно накладывалась на что-то. Трудно принять мнение, что конструкция имеющихся на накладке отверстий не обеспечивала “достаточной прочности для крепления на пояс” [Скобелев, 1997, с. 168]. Во-первых, пластина достаточно легка (33 г). Во-вторых, к ремню или к какой-либо другой поверхности она крепилась в восьми точках. В-третьих, аналогичность потайных каналов у вещей из рассматриваемых курганов предполагает, что накладка из кург. 58 фиксировалась также с использованием проволоки, видимо, из драгоценного металла. Такой способ крепления позволял прочно удерживать пластину на плоской поверхности. Физические нагрузки, приходящиеся на стенки потайных каналов, не могли повредить основу вещи, так как нефрит характеризуется исключительной прочностью и вязкостью [Ферсман, 1954, с. 248].

Кург. 58 частично нарушен грабительской ямой, но пластина была найдена в непотревоженной части погребения, у костей черепа, вместе с золотыми и серебряными вещами. По мнению С.Г. Скобелева, факт нахождения вещи у головы погребенного не позволяет определить ее как накладку на пояс [1997, с. 168]. Но разве пояс или его деталь не могли положить перед кремацией именно у головы умершего? Каким наблюдениям за расположением вещей в погребениях культуры енисейских кыргызов противоречит местонахождение нефритовой детали пояса в захоронении Змеинкинского могильника? Известно, что по материалам кыргызских погребений, представляющих преимущественно полные трупосожжения на стороне, зависимости между расположением вещей конкретных категорий и определенными частями скелета человека не прослеживается. Более того, представление о размещении инвентаря при кремации у енисейских кыргызов дают в какой-то мере именно единичные полные трупосожжения на месте (!) захоронения (они, в том числе и из кург. 58 Змеинкинского могильника, представляют отдельный, III тип погребений среднечулымского варианта) [Беликова, 1996, с. 106].

На фоне всех раскопанных 110 погребально-поминальных комплексов среднечулымского варианта курганы 3 и 58 однозначно оцениваются как принадлежащие к группе имущественно богатых. Об этом свидетельствует: а) большое количество инвентаря в комплексах, его многообразие, что особенно

характерно для кург. 58, где найдены детали седла, украшения, бытовые вещи, миниатюрные предметы; б) присутствие предметов из драгоценных металлов, чем отличается также кург. 58, содержащий сравнительно большое число вещей из серебра и неопределенных драгоценных сплавов или с их применением (многие, к сожалению, расплавились после пребывания на погребальном костре); в) редкость отдельных вещей при сопоставлении с имущественными комплексами культур Северной и Центральной Азии, близких хронологически, – в кург. 3 редкими являются поясной набор из диопсидовой породы и железный стержень Г-образной формы, один конец которого представляет стилизованное объемное изображение головы лошади, в кург. 58 – агатовая бусина, железная вилка, нефритовая накладка; г) число взрослых лошадей, забитых для обряда, – в кург. 3 зафиксированы кремированные и необожженные кости от трех особей, в кург. 58 – целые черепа и их части от трех-четырех особей.

Вопросы реконструкции социальных структур периферийной группы кыргызов пока мало разработаны. Сравнительно большие размеры курганов 3 и 58, их принадлежность к группе имущественно богатых позволяют соотнести эти погребения с верхним социальным слоем периферийной группы кыргызов.

Аналоги нефритовой пластины из кург. 58 (см. рис. 2) автору неизвестны, даже из других разновидностей камня. Две диопсидовые петли-пронизки из кург. 3 (см. рис. 1, 4, 5) по форме близки нефритовому украшению из “Музея краеведения г. Читы” [Ферсман, 1954, с. 249]. Конструктивно похожие элементы пояса, выполненные из агальматолита, присутствуют и в материалах могильника Часовенная Гора XIII – XIV вв. [Гаврилова, 1965, с. 73]. Но наибольшее типологическое сходство петли-пронизки из диопсидовой породы обнаруживают с каменными “нарменными обоймами” чжурчжэней Приморья, найденными на Шайгинском городище XII – XIII вв. (рис. 3, 1 – 3). Примечательно, что на других каменных украшениях с этого же памятника есть и потайные каналы (рис. 3, 4) [Шавкунов, 1990, с. 103, табл. 46, 6, 12, 13, 16], как на четырех изделиях из курганов 3 и 58 в Причулымье. Минералогическое определение чжурчжэнских вещей в публикации, к сожалению, не приводится.

Аналогичные петли-пронизки из других материалов (бронза, железо, серебро, кость) не являются редкими находками и довольно часто встречаются в комплексах конца I – начала II тыс. н.э. Западной Сибири, Минусинской котловины, Забайкалья, Приморья. Так, бронзовые обнаружены в погребении IX – X вв. могильника Сопка-2 [Молодин, Новиков, 1998, с. 107, рис. 111], в захоронениях XIII – XIV вв. могильника Красный Яр-1 [Троицкая, 1978, рис. 5, 29], в Басандайке [Басандайка, 1948, с. 40, табл. 55, 22, 25], в могильнике Усть-Малокиргизском XII – XIV вв. [Плетнева, 1997, с. 61, рис. 156, 1; 157, 5]. Серебряные петли-пронизки известны в Ильмовой Пади XIII – XIV вв. [Гаврилова, 1965, рис. 13, 20]. На Шайгинском городище кроме бронзовых петель-пронизок обнаружены и железные [Шавкунов, 1990, табл. 41, 7; табл. 36, 2, 3, 9]. Костяные найдены в могиле XIII – XIV вв. у д. Черновой [Кызласов И.Л., 1980, с. 90 – 92, рис. 8, 1, 2], в памятниках ундугунской культуры рубежа I – II тыс. н.э. – XIV – XV вв. [Кириллов, 1983, рис. 8, 3, 4, 9]. Таким образом, петли-пронизки, конструктивно похожие на среднечулымские из диопсидовой породы, встречены на широкой территории – от Приморья до Барабы.

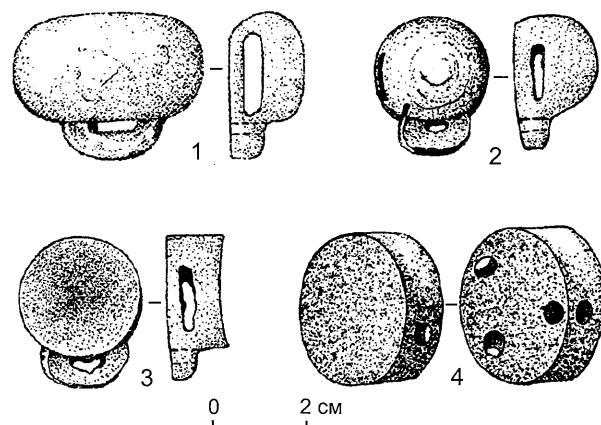

Рис. 3. Изделия из камня. Шайгинское городище (Приморье) [Шавкунов, 1990, табл. 46, 6, 12, 13, 16].

дайском [Басандайка, 1948, с. 40, табл. 55, 22, 25], в могильнике Усть-Малокиргизском XII – XIV вв. [Плетнева, 1997, с. 61, рис. 156, 1; 157, 5]. Серебряные петли-пронизки известны в Ильмовой Пади XIII – XIV вв. [Гаврилова, 1965, рис. 13, 20]. На Шайгинском городище кроме бронзовых петель-пронизок обнаружены и железные [Шавкунов, 1990, табл. 41, 7; табл. 36, 2, 3, 9]. Костяные найдены в могиле XIII – XIV вв. у д. Черновой [Кызласов И.Л., 1980, с. 90 – 92, рис. 8, 1, 2], в памятниках ундугунской культуры рубежа I – II тыс. н.э. – XIV – XV вв. [Кириллов, 1983, рис. 8, 3, 4, 9]. Таким образом, петли-пронизки, конструктивно похожие на среднечулымские из диопсидовой породы, встречены на широкой территории – от Приморья до Барабы.

Местные источники нефрита и диопсидовой породы в Причулымье отсутствуют. Нет и доказательства изготовления чулымских изделий на месте, из привозного камня. Их привязка на основе данных минералогических исследований к известным месторождениям сырья сегодня затруднена. Впрочем, для выявления культурных связей населения Среднего Причулымья в XIII в. не столь важно происхождение материала, сколько место изготовления вещей и территории, с которой они поступали. Вещи демонстрируют высококачественную обработку камня, проявляющуюся в сложности и четкости форм, тщательности шлифовки и полировки и, безусловно, в искусном и оригинальном способе сверления. Однаково высокий уровень обработки камня и, главное, наличие общего технического приема (потайные изогнутые каналы) предполагают, что нефритовая пластина и поясной набор из диопсидовой породы были изготовлены в каком-то одном, общем центре камнерезного дела или в двух разных, но близких между собой в культурном и территориальном аспектах. На этом постулате основаны дальнейшие рассуждения. Сопоставление данных летописей, археологии,

минералогии, указывающих на возможные места добычи сырья, изготовления поделок, пути и способы их появления на Чулыме, в итоге приводит к двум основным группам версий происхождения каменных изделий.

Первая группа версий происхождение чулымских каменных вещей так или иначе связывает с Китаем.

Месторождения диопсидовой породы в мире распространены достаточно широко, в том числе в Туркестано-Алае и Сибири [Минералы, 1981, с. 300 – 323]. Однако какие-либо сведения о поделках из нее в средневековье автору в литературе не встретились. С древнейших времен известна нефритоносная провинция в горах Западного Кунылуня (Восточный Туркестан) [Киевленко, Сенкевич, 1983, с. 84 – 85, 88]. На ее базе в средневековье развивалось производство художественных изделий из нефрита в г. Хотане. “...И сам нефрит, и некоторые поделки из него широко экспорттировались в Китай, меньше – в Западную Азию” [Чвырь, 1984, с. 166]. В районе этого города в средневековье были известны очень богатые залежи нефрита [Маявкин, 1983, с. 233 – 234].

Из Хотана, расположенного на южном участке Великого Шелкового пути, по заключению Э. Шефера, поступал весь нефрит, употреблявшийся в Китае в эпоху Тан (618 – 907 гг.) [1981, с. 296]. Пояса с наборными бляхами, которые относят к “варварским” элементам, фиксируются в китайском костюме VI – X вв. [Китайский этнос..., 1984, с. 155 – 156]. “...Среди танской знати распространилась мода на ношение поясов, изготовленных из яшмовых пластин”, – по мнению Э. Шефера, в китайских средневековых источниках встречается отождествление терминов “яшма” и “нефрит” [1981, с. 295, 298]. Об этом же писали А.Е. Ферсман [1954, с. 251; 1962, с. 153] и др. Есть также письменные свидетельства об изготовлении нефритовых изделий, употреблявшихся в Китае танского времени, в высокогорьях Центральной Азии, в Тибете [Шефер, 1981, с. 295 – 296, 298]. Не исключено, что тибетские мастера использовали и местный нефрит, о залежах которого средневековые летописи не сообщают, – в новейшее время открытие промышленных месторождений нефрита в Тибете произошло в 1951 – 1953 гг. [Юсов, 1958, с. 210].

Интересны летописные события, хронологически близкие пребыванию группы кыргызов на среднем Чулыме. Так, по исследованию А.Г. Маявкина, нефрит, относящийся к группе транзитных товаров, поступал в Срединное государство через Уйгурское ганьчжоуское княжество (902 – 1028 гг.). В ассортимент товаров, ввозимых согдийскими купцами Принаньшаня, входили изделия, которые, возможно, реэкспортировались. “Представляется, что седла, сбруя и пояса, украшенные нефритом, производились западнее Принаньшаня – в Хотане, Куче и других местах” [Маявкин,

1983, с. 233 – 234]. Китай с Причулыем соединял торговый путь, о существовании которого на основании сведений ал-Омари (XIV в.) пишет Л.Р. Кызласов [1984, с. 120 – 121].

Теоретически, местом изготовления нефритовой пластины из кург. 58 Змеинкинского могильника могла быть какая-то мастерская Китая, Западного Кунылуня (Туркестана), Тибета, а местом добычи сырья, помимо двух последних регионов, – не исключено, что и месторождения Саяно-Байкальской горной области (см. ниже). Поясной набор из диопсидовой породы могли сделать в Туркестане или Китае (близость к источнику сырья и средневековым камнерезным центрам). Так как среднечулымские каменные изделия изготовлены, как говорилось, в одном или двух близких центрах, то они и располагались, возможно, в Туркестане или Китае. В целом, данные минералогии, сведения письменных источников, наличие торговогопути позволяют предположить, что на средний Чулым в комплекс XIII в. украшения из нефрита и диопсидовой породы попали из Китая.

Вторая группа версий происхождение каменных поделок связывает с Сибирью и Дальним Востоком.

В пределах Саяно-Байкальской горной области располагается Сибирская нефритоносная провинция, которая включает Восточно-Саянский, Джидинский (Юго-Западное Забайкалье), Витимский, Западно-Саянский нефритоносные районы [Сутурин, Замалетдинов, 1984, с. 5 – 29, 49]. Открытие их месторождений на промышленном уровне произошло в XIX – XX вв., но о том, что они были известны значительно раньше, свидетельствуют материалы памятников эпохи неолита, раннего периода бронзового века Восточной Сибири, особенно Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 85, 92, 130, 355 – 357 и др.; 1955, с. 174 – 189 и др.; Хлобыстин, 1987]. Уже с конца III тыс. до н.э. практикуется обмен нефритом во всех направлениях от Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 374 – 376; 1955, 188 – 189]. Л.Р. Кызласов, основываясь на массовом распространении вещей из саянского нефрита, изложил точку зрения о возникновении в середине II тыс. до н.э. Великого нефритового пути, один отрезок которого шел в широтном направлении по лесостепному “коридору” из Прибайкалья (глазковская культура) на запад, в Волго-Камье (сейминско-турбинская культура), а другой – на восток, в районы Центральной Азии, Китай [1984, с. 158 – 159; 1993, с. 26].

Вероятно, распространение нефритовых изделий с востока на запад, в том числе и на юг Западной Сибири, наблюдалось и в эпоху раннего средневековья. Свидетельство этому – нефритовые подвески из кургана VII – VIII вв. могильника Каменный Мыс в Новосибирском Приобье, аналоги которым есть на Дальнем Востоке [Троицкая, Новиков, 1998, с. 29, 60, рис. 15, 97].

В начале II тыс. н.э. сырье из месторождений Сибирской нефритоносной провинции могли обрабатывать мастера какого-либо центра, расположенного в ее пределах или на близлежащих территориях, в том числе и чжурчжэни. Летописи сообщают, что в чжурчжэнском государстве Цзинь (1115 – 1234 гг.) “было сделано важное изобретение, облегчающее шлифовку драгоценных камней и нефрита, – создан особый вращающийся абразивный круг с нанесенным на него шлифовальным песком” [Воробьев, 1975, с. 233, 240]. Местное изготовление многочисленных украшений из нефрита отмечено и по памятникам конца X – XI вв. в Приамурье, которые В.Е. Медведев относит к чжурчжэнам [1977, с. 148, 155, 159; 1986, с. 23, 97]. Камнерезное дело по материалам Шайгинского городища XII – первой трети XIII в. (чжурчжэни Приморья) реконструировано Э.В. Шавкуновым как вид домашнего ремесла. Однако чжурчжэнские мастера, по его мнению, использовали в качестве сырья и ввозимый из других стран нефрит. В связи со средневековыми нефритовыми украшениями из Приамурья и Приморья интересны данные архимандрита Палладия о том, что месторождения нефрита в низовьях р. Амура были известны во времена династии Мин (1368 – 1644 гг.) [Кафаров, 1872, с. 124].

Как уже говорилось выше, только в публикациях материалов Шайгинского городища выявлены аналоги чулымских каменных изделий: двух петель-пронизок из диопсидовой породы и такой технической детали нефритовой пластины и диопсидовых круглых накладок, как потайные каналы (см. рис. 3). Это существенное обстоятельство позволяет предположить, что нефритовое и диопсидовые изделия, найденные на Чулыме, были изготовлены в мастерских чжурчжэней Приморья или в каких-то других культурно и территориально близких им камнерезных центрах. Известные сегодня месторождения диопсидовых пород, ближайшие к Приморью, локализованы в Прибайкалье, Восточном Саяне, Хакасии, Кузнецком Алатау, Горной Шории [Минералы, 1981, с. 302 – 323]. Скорее всего, из каких-то месторождений этих сибирских регионов еще в начале II тыс. н.э. и добывали камень для художественных поделок.

Отмеченные дальневосточные параллели среднечулымским каменным вещам становятся особо любопытными в связи с предположением В.А. Туголукова о том, что тунгусы появились на территории Обь-Енисейского региона в XII в. с чжурчжэнами, преследовавшими разгромленных ими киданей [1985, с. 267]. Еще ранее киданьский компонент в этническом составе чулымских тюрков XVII в. Карагачинской волости на среднем Чулыме выделила Э.Л. Львова по данным фольклора, этнографии, антропонимики и собственно этнографическим материалам. Его проникновение связывается с массовым переселением

киданей на запад в первой четверти XII в., когда произошло столкновение с кыргызами [Львова, 1978, с. 15; 1980]. О культурных связях в X – XIII вв. Среднего Причулымья с территориями, лежащими к востоку от него, автору уже приходилось говорить на основе археологических фактов – керамики и каменных бус из опала, полуопала, агата, яшмы, халцедона [Беликова, 1992; 1996, с. 136 – 139].

В целом, вторая группа версий предполагает происхождение чулымских изделий из нефрита и диопсидовой породы из Приморья и регионов Сибири, близких к нему. На Чулыма предметы могли попасть как в результате торговли, так и вместе с их обладателями (чжурчжэни, кидани, монголы и др.). Подобные же рассуждения могут относиться и к поясной накладке из молочно-белого нефрита, найденной на другом западносибирском памятнике – Усть-Малокиргизском курганном могильнике XII – XIV вв. в Нижнем Притомье [Плетнева, 1997, с. 92, рис. 112, 6].

Заключение

Сегодня вторая группа версий автору более предпочтительна, хотя окончательный ответ на вопрос о происхождении чулымских каменных изделий из нефрита и диопсида, безусловно, связан с дальнейшими археологическими и минералогическими исследованиями. Каменные изделия из Среднего Причулымья интерпретируются как многозначные символы: богатства, престижа, знатности, принадлежности к высокому социальному слою. Использование редких, красивых камней (с различными оттенками белого, сакрального, цвета) для изготовления деталей пояса, который в средневековье имел широкий спектр символических функций, повышало его семиотический статус. Не случайно в кург. 3 поясной набор из диопсидовой породы был разделен: одну часть накладок намеренно положили на корень древнего пня, а другую – в могильную яму. Пни, атрибуты погребального обряда, в мировоззрении среднечулымского населения были символами смерти, дороги, символами родовых земель, оберегами. Вероятно, в физическом единении разных элементов ритуала усиливались символические функции и пояса с диопсидовыми деталями, и древнего пня. Пояс с золотыми пряжками С.Е. Малов интерпретирует по эпиграфии бассейна Енисея как знак высокого чиновного положения [Малов, 1952, с. 16 – 18, 97]. Пояса с золотыми, серебряными, яшмовыми накладками в средневековом Китае свидетельствовали о рангах чиновников [Китайский этнос, 1984, с. 156; Шефер, 1981, с. 298]. Наделялись ли среднечулымские каменные изделия аналогичным ранговым значением? Являлись ли они опознавательными знаками должностного положения и власти? Постановка вопросов оправдана уже тем, что

периферийная группа кыргызов среднего Чулыма в X – XIII вв. была связана с политическим центром кыргызского государства, а с XIII в., возможно, с империей Юань. Оснований для определенного ответа в чулымских материалах пока нет.

Список литературы

- Басандайка.** Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во ТГУ, 1948. – 308 с.
- Беликова О.Б.** Восточные параллели среднечулымским материалам X – XIII вв. // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края: Сб. науч. тр. – Красноярск, 1992. – Т. 2. – С. 6 – 8.
- Беликова О.Б.** Среднее Причулымье в X – XIII вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 272 с.
- Воробьев М.В.** Чжурчжэни и государство Цзинь. – М.: Наука, 1975. – 448 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 112 с.
- Кафаров П.И.** Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край // Изв. ИРГО, 1871. – СПб., 1872. – Т. 7, вып. 3. – С. 123 – 124.
- Киевленко Е.И., Сенкевич Н.Н.** Геология месторождений поделочных камней. – М.: Недра, 1983. – 263 с.
- Кириллов И.И.** Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 123 – 138.
- Китайский** этнос в средние века (VII – XIII вв.) / М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Софонов. – М.: Наука, 1984. – 336 с.
- Кызласов И.Л.** Кыпчаки и восстание енисейских племен в XIII в. // СА. – 1980. – № 2. – С. 80 – 93.
- Кызласов Л.Р.** История Южной Сибири в средние века. – М.: Вышш. шк., 1984. – 168 с.
- Кызласов Л.Р.** Эпоха производства орудий из камня и бронзы // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М.: Наука, 1993. – Гл. 1. – С. 8 – 28.
- Львова Э.Л.** Чулымские тюрки: (Историко-этнографические очерки): Автoref. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1978. – 18 с.
- Львова Э.Л.** Об одном из компонентов в составе чулымских тюрков // Вопросы этнокультурной истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – С. 80 – 91.
- Малов С.Е.** Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.
- Маявкин А.Г.** Уйгурские государства в IX – XII вв. – Новосибирск: Наука, 1983. – 297 с.
- Медведев В.Е.** Культура амурских чжурчжэней. Конец X – XI век (по материалам грунтовых могильников). – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.
- Медведев В.Е.** Приамурье в конце I – начале II тысячелетия. Чжурчжэнская эпоха. – Новосибирск: Наука, 1986. – 206 с.
- Минералы:** Справочник. – М.: Наука, 1981. – Т. 3, вып. 2. – 615 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В.** Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1998. – 140 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 18).
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3/4. – 375 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 43).
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во ТГУ, 1997. – 351 с.
- Скobelев С.Г.** Пояс юаньского чиновника в погребении енисейского кыргыза // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 167 – 170.
- Сутурин Н.А., Замалетдинов Р.С.** Нефриты. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 150.
- Троицкая Т.Н.** Красный Яр-1 – памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 99 – 117.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – 152 с.
- Туголуков В.А.** Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 285 с.
- Ферсман А.Е.** Очерки по истории камня. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. – 341 с.
- Ферсман А.Е.** Драгоценные и цветные камни СССР: Избр. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 7. – 592 с.
- Хлобыстин Л.П.** Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. – М.: Наука, 1987. – Т. 7: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – С. 327 – 344.
- Чвырь Л.А.** Об изучении художественных ремесел уйголов // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1984. – С. 165 – 179.
- Шавкунов Э.В.** Культура чжурчжэней-удигэ XII – XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 283 с.
- Шефер Э.** Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан // Культура народов Востока: Материалы и исследования. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
- Юсов Б.В.** Тибет: Физико-географическая характеристика. – М.: Изд-во геогр. лит., 1958. – 224 с.

Материал поступил в редакцию 03.11.1999 г.